

Русские идеи Павла Пепперштейна

РОМАН «ПРАЖСКАЯ НОЧЬ»» Анна Наринская

НАЧИНАЕТСЯ просто прекрасно. Даже расстраиваешься, что это не тобою придумано: молодой мечтатель становится киллером на архитектурной почве. То есть на свое первое убийство он решается, чтобы спасти от сноса старинный московский особнячок, «в котором жила тайная душа нашего города», — убивает владельца банка, здание которого «мертвенно-синее, клиновидное, с псевдоантичным портиком» должны были возвести на этом месте.

После этого оплаченные убийства становятся главным источником заработка героя, но в сердце своем он лелеет мечту «перейти от заказных к бескорыстным убийствам, выбирая объект на свой вкус». Вкус же этот определен стремлением отомстить тем, кто «убил священную столицу», — «главам строительных компаний, заказчикам, архитекторам, всем... И больше всего хочется взять на прицел главного виновника космического злодеяния — хитрожопого и мудаковатого градоначальника, гауляйтера Москвы, луковичного старичка, возможно, даже и не злого, а просто хозяйственного прораба, уничтожившего священный город русского мира просто по глупости (по той глупости, которая сама себя искренне считает трезвым практическим разумом)».

Но, поманив таким многообещающим и почти даже актуальным сюжетом, «Пражская ночь» сворачивает совсем в другое. Сворачивает для того, чтобы потеряться в вихрях привычной пепперштейновской пурги.

Надо признать, что раньше, особенно в девяностых, Пепперштейн именно за такое нам и нравился — если нравился. За то, что на фоне общей серьезности — традиционной серьезности отношения к писателю и художнику и новой серьезности отношения к высказыванию — он умел просто и с видимым удовольствием забавляться. Причем ровно на том месте, на котором остальные сохраняли торжественность. Герб, восходящий устрашающим светилем на картине Эрика Булатова, в его руках превращался в погремушку, которой он брел с детской изобретательностью, — и это было вполне мило.

В «Пражской ночи» вроде бы все тоже так. Та же, пестуемая этим автором, тематика Священного Советского Союза — слегка модифицированная и расширенная до чего-то вроде Священного Варшавского Блока («За многие века единственная идея смогла объединить все славянские народы, не оставив за бортом ни одного из них, — и это коммунистическая идея. Такие вещи не случаются случайно»). Опять тайные магические сборища — хоть и не у того самого Мавзолея, а у секретного захоронения нетленного тела Готвальда. Пепперштейновский предмет и пепперштейновский прием остались неизменными, слившись практически до неотличимости с, например, позднейшим Прохановым

(«я снова увидел скромное заседание районного партактива, рядовой ячейки компартии СССР, где-то в середине или в конце семидесятых годов XX века: собравшиеся здесь старики и старухи, как выяснилось, тоже были богами — Сварог, Кама, Ладога, Свияга, Перун, Ярило, Велес — старые, с орденами и медалями Великой Войны на лацканах убогих пиджаков») или с Фоменко/Задорновым («Бритты, возможно, относились к праславянской группе народов, чьим тотемом был медведь — бер, от этого и самоназвание — беры, бериты, бориты, бореи. Лондон — Лоно дна. В древней стране было так называемое Лань-село на берегу озера, отсюда произошел сэр Ланселот Озерный»). Только — это

ПАВЕЛ ПЕППЕРШТЕЙН УПОДОБИЛСЯ ПИТЕРУ ПЕНУ И РАССЧИТЫВАЕТ, ЧТО ЕГО ЧИТАТЕЛЬ, ПОДОБНО УМИЛЕННОЙ МАТЕРИ, БУДЕТ ВЕЧНО ВНИМАТЬ ЕГО ПРОГОНАМ

Пепперштейн, то есть по умолчанию забавно, мило и артистично.

Хотя вообще-то уже и не забавно. То есть не забавно — опять, вновь, еще раз. Сам-то Павел Пепперштейн, похоже, уподобился великовозрастному Питеру Пену и рассчитывает, что его читатель, подобно умиленной матери, будет вечно внимать его прогонам. Но ведь даже восторженная родительница, устав от однообразия и бессмысленности, перестает слушать, лишь изредка для вида кивая. Автор «Пражской ночи» — он даже не наш ребенок, так что и притворяться не обязательно.

Павел Пепперштейн. «Пражская ночь». СПб.: «Амфора», 2011

АЛЕКСЕЙ КУЛЕНКО